

A woman with dark hair and a serene expression stands in a forest. She wears a deep red hooded cloak with a gold-colored clasp at the neck and a gold-colored cord with a diamond pattern on the bodice. The background is a misty, wooded area with trees and foliage.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВА

ПРИРОДНАЯ ВЕДЬМА

обретение силы

Екатерина Романова

**Природная ведьма:
обретение силы**

«Издательские решения»

Романова Е.

Природная ведьма: обретение силы / Е. Романова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838914-6

Нанимаясь уборщицей в магический университет, я и не предполагала, чем все это обернется. Я, обычная девушка — заклинательница стихий! Верховный главнокомандующий заставляет поступать на факультет стихийной магии. Вдобавок ко всему — загадочное убийство, опека Танцующей со смертью и кольцо, неосмотрительно надетое на безымянный палец правой руки. А ведь я прибыла в Асторию с иной целью, которую приходится достигать в свободное от учебы время. Я — Элизабет Торнтон и не боюсь трудностей!

ISBN 978-5-44-838914-6

© Романова Е.
© Издательские решения

Природная ведьма: обретение силы

Екатерина Романова

Дизайнер обложки Екатерина Романова

© Екатерина Романова, 2017

© Екатерина Романова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8914-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Нет, пожалуйста, не надо... – тщетность попыток избежать конца была очевидной, но желание жить – самое неистребимое в человеке, особенно перед лицом неизбежной смерти.

Сил вырываться после многочасовых издевательств уже не было.

– Будешь знать, как позорить Князя, дрянь! – обессилевшее тело волокли к печи, в которой с яростным шипением раздирал поленья огонь. В лицо пахло жаром и гарью. Вот он – конец... – Жги ее! Сожги эту ведьму!

– Прошу, Андализ...

– О, мы о ней позаботимся, – жестокий смех и грязные комментарии позади мужчин, – так же, как позаботились о тебе, и даже лучше!

Откуда появляются силы, когда самое дорогое, самое ценное, что имеешь, ставят под угрозу? То, что дороже даже собственной жизни. Я не знаю,... но из груди вырвался не крик. Нет. Крик – это просто громкий звук. Это был вой, льющийся из самых темных, неизвестных мне прежде глубин души.

– НЕ-ЕТ!!!!!!!!!!!!!!

Всепоглощающие языки пламени переплелись между собой в яростном танце. Они вырвались из печи, освобождаемые резким порывом ветра, сметали все на своем пути, проходя сквозь меня, и накинлись на всех присутствующих на этом празднике зла. Последнее, что я помню – перекошенные от ужаса лица врагов, и застывший в их глазах страх. Страх смерти...

Душераздирающий вопль заставил проснуться. Озираясь по сторонам в поисках его источника, не сразу поняла, что это был мой собственный. Щеки пылали, память о раскаленных языках пламени. Рефлекторно проведя ладонью по лицу – убедилась, что следов не осталось. Сердце танцевало адскую кадрили, вновь и вновь возвращаясь к событиям той ночи, которую хочется стереть из памяти, словно грязное пятно с ладони. Прислонившись спиной к забору, я переводила дух. Светало. Весеннее солнце уже прогрело землю, подернутую ворсинками травы. На клумбах поднимали разноцветные головки первые цветы, а в молодой травке блестела роса, от которой я промокла насквозь. Дожди совершенно не характерны в Астории для этого времени года, но третий день идут, невзирая ни на что. Пробирает озноб, но согреться было негде, как негде было сменить одежду. Легкий ситцевый сарафан без рукавов промок насквозь и прилип к истерзанному телу...

Как вышло, что я, двадцатилетняя Элизабет Торнтон, старшая из восьми дочерей семьи оказалась на улице в непотребном виде и без средств к существованию? Это долгая и полная трагедий история, перевернувшая мой мир, вспоминать которую совершенно не хочется. Самое главное – мне удалось сбежать. А это значит, что страх и боль позади. Теперь бояться должны те, кто сотворил со мной подобное. Я залижу раны, наберусь сил, поднимусь, чтобы вернуться и отомстить. Чтобы вернуться и забрать то, без чего жизнь на этой земле не имеет смысла! Мне лишь нужно найти работу и крышу над головой.

С этими мыслями я утерла слезы и решительно поднялась. Город начинал оживать и первые еще полусонные прохожие, кутаясь в демисезонные пальто и шарфы, кидали на меня неодобрительные взгляды. Грязная, выпачканная золой, с кровавыми разводами на ногах и синяками на лице, я была похожа на дешевую девушку по вызову, которой ночью пришлось несладко. Но мне было наплевать. Масштабы произошедшей со мной трагедии никто не оценит и не поймет, потому что сердца людей и нелюдей столицы империи – Астории давно охвачены холодом. Возможно, сказывается близость дворца императора и снобизм, присущий всей родовой знати, которой тут полным-полно, а возможно тяжелая жизнь и только недавно окончившаяся война, отголоски которой до сих пор еще живы. Но мне все равно. Сегодня моя цель – найти кров и работу. Неважно, я возьмусь за что угодно, что не противоречит моим моральным принципам.

Стараясь миновать людные улицы, я узкими переулками добралась до центральной площади, утопающей в сизой дымке тумана. Здесь стояли столбы с многочисленными объявлениями от и для населения. Сейчас огромная мощеная площадь была непривычно пуста. По воскресеньям ничего политически важного не происходило: императорская семья и высший свет изволят отсыпаться после пышных субботних балов, которые по славной расточительной традиции давались каждую неделю, а обычный народ спешит на еженедельную ярмарку в противоположную сторону города, чтобы купить свежих овощей, мяса, рыбы и фермерских продуктов. Поэтому я практически без лишних глаз могу изучить объявления и подобрать что-нибудь для себя приемлемое.

Большинство вакансий предлагали будущее разносчицы в трактире. Читай – работать придется не только руками, но и другими, менее публичными частями тела. Важным конкурентным преимуществом знатной разносчицы является увеселение посетителей собственным телом в располагаемых на вторых этажах комнатах. Причем плата за это дело даже не предусматривалась, все входило в обычные должностные обязанности. Трактиров в Астории полным-полно и все они борются за клиентуру. Работника потерять можно – всегда найдется новый, а вот терять клиента – смертный грех. Даже если сам клиент на этот смертный грех и похож. Мама, которая не смогла избежать участи разносчицы в свое время, во всех красках поведала о прелестях профессии.

Предложения поработать няней или учительницей отвергла сразу. Работать с детьми я сейчас не смогу. Слишком шатка психика, слишком свежи воспоминания, слишком больно... да к тому же в таком виде меня не пустят даже на паперть, не то, что в приличный дом.

Просмотрев почти все предложения, я едва не пала духом, пытаюсь смириться с участью трактирной девки. К счастью, на глаза попала одна невзрачная бумажка, наполовину заклеенная более свежим объявлением. Бесцеремонно сорвав последнее, я вчиталась:

«Требуется уборщица на полный рабочий день, семь дней в неделю. Плата, обед и жилье предоставляются соответственно вложенным усилиям. Обращаться к магистру Олхарду, в Университет магических наук».

Отлично. Это мне подойдет. Много работы – отвлекусь от ненужных мыслей, возможно даже смогу прийти в себя и начать разрабатывать план мести. Кров и еда – помогут восстановить здоровье и поддержать штаны, на которые, к слову, еще заработать нужно, ну а гонорар... каким бы он ни был, мне сейчас больше всего нужно место для зализывания ран. А если плата недостаточная – можно найти ночную подработку. Благо, Астории всегда требуются трудолюбивые руки, а с трудолюбием в нашей семье никогда не было проблем.

Живот предательски заурчал от голода, а голова закружилась от большой потери крови накануне. Тело отчаянно требовало лечения и отдыха, игнорировать дальше его сигналы уже не было возможности. Либо я донесу свое тело в безопасное место, либо его донесут куда попало без моего ведома. Собравшись с последними силами, я двинулась в сторону академии,

стараясь не думать о том, какое впечатление произведет мой внешний вид на потенциального работодателя.

Мы с отцом часто бывали в Астории и столица – одно из наших любимых мест во всей Гардии. Я знала ее центр вдоль и поперек. Папа обещал, что когда я вырасту, стану его правой рукой и мы вместе откроем булочную рядом с императорским дворцом, и в этой булочной будет закупать сладости весь высший свет. Он иногда отсылал маму в деревенский магазин, а сам готовил ужин и наше самое любимое лакомство – булочки с маком, политые шоколадом или пышки с изюмом и орешками. Вся деревня в день отцовской готовки неожиданно вспоминала про нашу семью. Кто за советом заходил, кто заглядывал вернуть одолженную месяца назад поварешку, кто о здоровье троюродной тети двоюродного племянника отца справиться. В общем, причины были разнообразными, неизменным оставалось одно – всех угощали чаем с булочками, которые разлетались, не успевая даже остыть. Но отца не стало слишком рано, а мать не справлялась с восемью дочерьми одна. В результате получилось то, что получилось...

Здание Университета в пяти кварталах от главной площади. От всех норийцев оно загорожено массивной каменной стеной, высотой в три моих роста, а то и больше. Будто тайны и знания, которые хранит университет, могут сбежать. Эта стена пережила осаду ночных демонов и первую войну с орками, которые дошли до самого императорского дворца. Не сильна в истории, и чем отогнали в итоге низшую нечисть – не знаю, но факт в том, что университет остался цел и невредим, хотя сюда рвались. И еще как рвались! Университет – кузница сильнейших магов страны и, как рассказывал отец, здесь находится даже часть артефактов императорской семьи.

Помимо стены из грубого темно-серого булыжника, в солнечных местах поросшего плющом, а в тенистых – мхом, университет защищала магия. Раньше я этого не замечала, а сейчас четко видела некое подобие купола, напоминающего половину огромного мыльного пузыря, накрывшего несметную территорию учебного заведения. Действительно, перед передней стеной купола светилась магическим светом табличка.

«Дороги нет. Звоните в колокольчик и дождитесь привратника. Дальнейшее продвижение – на ваш страх и риск, может быть смертельным».

Ничего себе меры предосторожности. Я приблизилась к куполу чуть ближе, чтобы рассмотреть и слегка голубоватая, словно водная пелена пыхнула огнем. От неожиданности отскочив, я быстро позвонила в колокольчик и более подходить к куполу не решалась. Слишком свежи в памяти последние свидания с огнем...

Реакции на звонок не последовало. Повторив процедуру пять раз и, не дождавшись ни привратника, ни стражника, ни духа университета, решила попытать обещанный «страх и риск» и шагнула-таки в сторону пузыря. Приблизившись к его стенке вплотную, я осторожно вытянула руку перед собой – ничего. Осмелев, провела по пелене кончиками пальцев, и... нет, не превратилась в пепел. По водной стенке пробежала мелкая рябь, а затем она расступилась в стороны, пропуская меня, и сомкнулись обратно уже за спиной. Тоже мне, шутники. Видимо повесили табличку для отпугивания случайных прохожих и пьяных троллей. Хотя те, по-моему, вообще таблички не читают, потому что не умеют. Впрочем, оно и к лучшему, ведь если бы умели, то не только бы читали, но еще бы и комментарии похабные оставляли.

Магический купол я, конечно, прошла, но вот как быть со стеной и тяжелой дверью из грубого массивного дерева, закованной в железо? Сквозь такие не просочишься. Видимо все же придется достучаться до этого самого привратника. Процедура заняла без малого час, но моя настырность победила. Говорила мне мама, что настырность как в могилу может свести, так и добрую службу сослужить. Наконец, услышав душераздирающие крики и упорные стуки в дверь, мне явился господин привратник. Точнее, заспанная физиономия господина, высунувшаяся из небольшого окошка в стене.

– Чего надобно? Иди отсюдава подбери по здорову, мы нищим не подаем!

– Мне нужен магистр Олхард. Я по столбовой вакансии.

Физиономия спряталась в окошке и через несколько минут в огромных дубовых воротах открылась самая маленькая из четырех возможных дверей, из которой показался небольшой серый старичок. В привратниках служил гоблин, с длинными заостренными ушами, короткой седой бородкой и маленькими, но юркими глазками-бусинками. Меня поразило обилие сережек в его левом ухе. Каждая серьга – один поверженный противник. А уж мне известно, какие жестокие бои проходят между представителями низших рас.

– Ты это, как купол-то прошла? – удивился гоблин и сощурил глазки-бусинки.

– Мне нужен магистр Олхард, – повторила я, стараясь не тушеваться. Внешность бывает обманчива. За плечами этого миловидного старичка-гоблина десятки поверженных врагов.

Гоблин, почесав затылок, окинул меня с ног до головы и протянул недоверчиво.

– В таком виде в университет пустить непотребно. Шла бы ты, девка, переоделась хоть.

– У меня есть только то, что на мне.

– Ох ты ть голытьба, – ругнулся он и снова скрылся за дубовой дверью. Поскольку гоблин ее не закрыл, я посчитала это приглашением и последовала за ним в мрачный коридор, уводящий прямо внутрь стены. Оказывается, стены не только высокие, но и широкие. Видимо, они полны потайных коридоров, лазеек и ходов.

– Иди, иди, сейчас найдем чегонто для тебя, стыдобу-то хотя бы прикрыть, – взяв со стены факел и уводя меня куда-то вглубь, вещал гоблин.

К слову, вся стыдоба была итак прикрыта. По-хорошему мне бы принять душ и могла бы сойти за более-менее пристойного человека.

Закончив петлять в потемках, мы зашли в тесную каморку, видимо, обжитую привратником, которую освещал лишь свет небольшого настольного кристалла.

– Вона пока моську в умывальнике хоть умой, – снизошел он и, недолго думая, я принялась оттирать сажу и запекшуюся кровь. Из зеркала на меня глядела кошмарная жуть, которая пугала еще больше из-за царившего вокруг полумрака. Чего не видно – то додумывалось. Жаль, что болезненную бледность и уже пожелтевшие, но еще видневшиеся синяки холодной водой не смыть... как не смыть водой позор и страх...

Приведя себя в порядок, я дожидалась гоблина на единственном потрепанном жизнью кресле в его маленьком жилище. Кровать, умывальник, стол с письменными принадлежностями и тяжелым массивным журналом страниц на пятьсот и несколько книг. Вскоре появился сам привратник, и снова окинув меня недовольным взглядом, хотя мой вид уже был существенно лучше, швырнул цветастую тряпку.

– На вот надень. Вернешь потом. Без дыров и срамоты чтобы! Это платье моей старшой. Уж больно на тебя смотреть страшно.

Платье на два размера больше, чуть ниже колен и в крупный цветок ярко-желтого одуванчика. Ненавижу одуванчики. Впрочем, лучше порванного грязного сарафана, слишком легкого даже для летней погоды, не говоря уже о промозглой весне. Гоблин отвернулся, давая мне возможность сменить одежду и, когда я вновь поинтересовалась, как найти магистра Олхарда, повернулся и всучил мне кристалл.

– И что я должна с этим сделать? – не поняла я, крутя в руках небольшой отрез самой обычной кварцевой друзы.

– Эх, девка, дура. Не магичка видно, все магички ими пользуются. Скажи кристаллу, куда тебе надобныть он тебя и отведет. Все, ступай, адепты сейчас понапросыпаются в город потащутся за бутылками, мне еще записывать всех надо, итак тут с тобой напровозился.

– Спасибо, – кинула я на прощанье и, забрав свое грязное платье, вышла из каморки во внутренний двор Университета.

За оборонительными стенами, внутри, учебное заведение выглядело совершенно иначе. Неприступный воинственный вид сменился сказочным убранством многочисленных корпу-

сов, затерявшихся в лабиринтах каменных дорожек, утонувших в садах, причудливых клумбах и фонтанах. Вдалеке виднелось несколько башен с заостренными крышами, на которых развевался флаг с эмблемой университета. Эмблемой почему-то являлся дракон, гордо вскинувший голову и изрыгающий огонь. Не сразу заметила, что стою посреди дороги и, задрав голову, улыбаюсь как идиотка. Мне в ответ улыбались красной черепицей здания с серыми грубыми стенами, похожими на университетскую стену. Массивно, грубовато, но в целом очень красиво, особенно учитывая количество зелени и ранних цветов, на которых под солнцем искрились капельки утренней росы. Казалось, университет утопал в россыпи алмазных слез, искрящихся в лучах восстающего солнца. У меня захватило дух.

Оторвавшись от созерцания невесомых кристальных капелек, которые танцевали в воздухе, управляемые неведомой силой, я покрутила в руках дар привратника.

– Что там сказал гоблин? Поговорить с кристаллом... бред какой-то, – возмутилась я, сомневаясь, что разговоры с камнями могут привести к чему-то хорошему. – Ну что же, попробуем. Кристалл, мне нужен магистр Олхард.

Удивительно, но камень пропустил мимо магических ушей мой ироничный тон и отозвался настойчивым теплом, к которому присоединилась тяга. Кристалл уверенно тащил меня за собой. Действительно, без этой штуки найти магистра мне вряд ли бы удалось. Мы прошли несколько корпусов, лабиринт из зеленых насаждений, который привел к озеру с горячим источником цвета аквамарина, зашли в здание с двумя высокими башнями, прошли три лестничных пролета, два коридора и, наконец, остановились перед невзрачной деревянной дверью, из-за которой тут же послышалось:

– Заходите.

Едва отдышавшись от такого приключения, я, выдохнув, вошла в кабинет магистра Олхарда. Им оказался мужчина, на вид 50—60 лет, с седой бородкой и седыми же волосами до плеч. Его доброе открытое лицо располагало к общению, и я немного успокоилась, расправив плечи. Все магистры магии мне представлялись высокими, широкоплечими старцами с черными, как тьма глазами, нависающими над ними густыми бровями, орлиным носом и очень суровым характером. Магистр Олхард развеял это представление. Хотя нет. Нос и правда орлиный.

Честно говоря, все равно было немного страшно и странно, но по другой причине. Я первый раз устраиваюсь на работу. Пусть должность и невысока, но мне не хотелось провалить собеседование. Слишком многое поставлено на карту.

– Я по поводу столбовой вакансии, – решительно заявила я, проходя внутрь кабинета.

Лишь сделав пару шагов, я заметила, что магистр Олхард не один. В кресле, возле камина, позади магистра, сидел человек, красота которого лишила меня дара речи: высокий, широкоплечий, с длинными пшеничными волосами и пронзительными глазами цвета незабудок. Несмотря на мягкую и приятную внешность, от него исходила внутренняя сила, а в глазах читалась стальная решимость. Пол подо мной провалился, а язык вмиг превратился в яблочное желе, растаявшее во рту. Смогу ли я при нем хоть слово вымолвить? Что за магия его окружает? Едва найдя силу, чтобы оторвать взгляд от ледяных голубых глаз, изучающих меня и в особенности мой цветастый наряд, я повернулась к магистру.

– Как вы прошли сквозь защиту? – строго спросил мужчина, которого пару мгновений назад я так бесстыже разглядывала. Его тон был надменным и высокомерным, будто мое появление в университете как минимум акт агрессии имперского масштаба и сейчас решается моя судьба: плаха или прощение. Сглотнув, я кротко улыбнулась.

– Как и все. Она же не настоящая, – я развела руками и вновь посмотрела на магистра, надеясь, что на этом вопрос исчерпан. Но магистр молчал, бросая тревожные взгляды в сторону прекрасного незнакомца, спокойно восседающего на обычном кресле с таким видом, словно сидит на императорском троне.

– Не настоящая, – пробуя на вкус слово, мягко прошептал мужчина и обратил ледяной взгляд в сторону магистра Олхарда. Старичок стушевался и опустил глаза. Усмехнувшись, незнакомец поднялся. Действительно, с ростом не ошиблась. Я едва доставала макушкой ему до плеча. Подойдя вплотную и обратив на меня холодный взор сверху вниз, от которого мурашки по коже пробежали, он произнес. – Мой старый друг, видимо вам придется немало постараться, чтобы защита стала настоящей.

Несмотря на то, что обращался он к магистру, взгляд сверлил меня. Как загнанная мышка, я смотрела на мужчину снизу вверх и хлопала ресницами, пытаюсь понять, что происходит. Стоит ли говорить, что спокойствие и холодная решимость в голосе стоящего передо мной мужчины пугали куда больше, чем возможные гневные крики и угрозы. Тогда бы хоть можно было предположить, чего ожидать, а когда вот так, тихо и спокойно... в душе морозящий ужас. Он словно запустил под мою кожу холодные щупальца, и они копошились, в поисках ответов на непонятные вопросы. Я даже сглотнула, но решила спросить.

– Я сделала что-то не так? Если защита сломалась или испортилась – я починю. Мне просто нужна работа, именно поэтому я здесь. У вас, кажется, была вакансия, она еще актуальна? – я вновь обратилась к магистру Олхарду, отойдя подальше от прекрасного незнакомца. Его присутствие, тем более такое близкое, меня пугало и нервировало. А кому как не мне знать, что внешность бывает обманчива.

Словно прочитав мои мысли, мужчина засиял. В буквальном смысле засиял, а через мгновение его не стало в комнате. Чудеса. Впервые вижу такой интересный способ телепортации. Да что там, вообще впервые вижу телепортацию. А уж если магия такого уровня существует, то обладающий ею, должно быть, невероятно силен. Возможно он даже из службы безопасности университета.

Магистр Олхард заметно расслабился и развалился в своем кресле, явно утратив необходимость держать осанку и должный вид при этом важном господине. Спыхватившись, что находится не один, он расплылся в довольной улыбке и показал на кресло, напротив стола.

– Присаживайтесь. В ногах правды нет. Выглядите вы неважно. Чаю желаете?

– Я бы не отказалась, – робкая улыбка. Желудок при упоминании еды окончательно капитулировал и издал плотоядный рык. Магистр по-отечески улыбнулся и дал распоряжения по поводу чая. Уже три или четыре дня мне не удавалось раздобыть ничего, кроме воды сомнительного качества, черствого хлеба и объедков из разных таверн. Учитывая, что в последних и свежая-то еда не ахти какая, объедками и вовсе можно было отравиться. Всю дорогу, пока добиралась до Астории, мне как-то не везло с едой...

Через несколько минут невысокая гоблинша принесла в кабинет две чашки чая, печенье и розетку с вишневым вареньем. Подозрительно покосившись на мое платье, она что-то крикнула и удалилась. Никак жена или та самая дочь привратника, чье платье украшало изгибы моего тела.

Собеседование проходило в дружественной обстановке. Магистр Кевин Олхард оказался любезным мужчиной, приятным в общении. Мы познакомились, он рассказал об университете и себе. Оказывается, вот уже 30 лет он помимо всего прочего преподает бытовую магию, но за все время так и не был выпущен ни один полноценный бытовой маг. Все хотят быть лекарями, прорицателями, боевыми магами, но никак не бытовыми, а потому в уборщиках, совершенно обычных и не магических, у них всегда особая нужда. Меня просветили о несложных обязанностях, пока мы пили чай. Магистр пояснил, что вакансия действительно имеется, но она нечистая. Работы много и предстоит убирать после занятий адептов по боевой и стихийной магии, которые оставляют немало разрушений и последствий и бывают даже изобретательными в своих экспериментах. Но мне было все равно. Если все, как в условиях объявления, то меня полностью устраивает. На этом и сошлись. Платить будут семь золотых в месяц, вдобавок мне положена форма, комната и горячее питание в столовой.

Заметив, с каким энтузиазмом я разве что не вылизываю опустевшую вазочку из-под малинового варенья, магистр предложил мне воспользоваться услугами столовой прямо сейчас и выписал талон. Не пасть голодной смертью в многочисленных лабиринтах университета мне должен был помочь кристалл, выданный привратником. Магистр остановил меня в дверях.

– Вы владеете магией, Элизабет? – взгляд серых глаз был задумчив.

– Нет, господин магистр, к сожалению не владею.

– Хорошо, ступайте. Завтра Кларисса выдаст вам форму и введет в курс дела, что, где, когда и как. Мы, мужчины, больше по части разрушений. А созидать и убирать – это ваше, женское. Если возникнут какие-то вопросы – двери моего кабинета всегда открыты. И зайдите, пожалуйста, к лекарю. Уж не знаю, что у вас случилось – это дело не мое, но выглядите вы очень плохо, а нам нужны крепкие работники.

– Спасибо, магистр Олхард.

Обо мне уже долгое время никто не заботился и, дав себе приказ не расплакаться, я собиралась выйти, но меня вновь остановили.

– Да, госпожа Торнтон. Элизабет, вы позволите так к вам обращаться? – я утвердительно кивнула. Это красивое имя и ничего плохого, если оно будет звучать чаще. – Можете посещать мои лекции по бытовой магии. Они, несомненно, помогут вам быстрее и эффективнее справляться с работой. Ступайте.

Таким необычным способом я обрела кров, питание, заработок и даже возможность посещать лекции. Пусть гонорар по меркам столицы и небольшой, но на первое время мне хватит, чтобы прийти в себя и обзавестись всем необходимым для жизни. Дальше что-нибудь придумаю. Вдобавок, отличный бонус в виде знаний, к которым у меня с самого детства глубокая страсть. Я всегда увлекалась книгами о магии, рыцарях, колдунах, феях, которые отец привозил из столичных поездок. Приятно было витать в волшебных мирах, окунуться в которые помогал несравнимо прекрасный древесный аромат страниц и кожи. Несмотря на любовь к магии, сама я никогда не могла управлять энергией. В нашем роду, насколько мне известно, не было ни одной волшебницы. Именно волшебницы, потому что уже на протяжении долгих веков род состоит из одних женщин. Мама говорила, что давным-давно какой-то из наших родственников прогневал стихийных богов. Всех и разом. Как уж он умудрился – вопрос второй и безответный. Но факт в том, что Боги прокляли его, пообещав стереть род с земли. Но видимо что-то пошло не так, либо боги слишком изобретательными оказались, потому что у того родственника родилось восемь дочерей. У тех восьми дочерей еще по восемь дочерей и так до моей линии. Многие умирали в младенчестве или юности, но тем не менее, род разросся знатно. Сложно представить, что и меня ждет та же участь, особенно в свете последних событий, ... но соберись, Элизабет Торнтон. У тебя есть цель и ты должна действовать по порядку.

К счастью, в столовой, куда проводил меня кристалл, оказалось пусто. Это было крыло для преподавателей и работников, поэтому столкнуться с адептами не пришлось. Признаться, я боялась их – адептов. Насколько мне доводилось слышать, большинство из них молодые жестокие выскочки. Сюда поступают в 18 лет, к 20 набираются кое-какого ума, в 23 идут на практическую отработку и к 25 более-менее начинают разбираться в магии и получают значок выпускника. Если доживают. Показатели смертности в магических университетах и академиях страны за последние 10 лет очень высокие. Цифры, что я видела, повергли меня в шок. Только на факультете боевой магии ежегодно гибнет до 60% адептов. Во многом, это связано с войной, которую чудом удалось прекратить, а по мне лишь приостановить. Неизвестно, как скоро плотину орков и гоблинов вновь прорвет на наши приграничные территории. Но сейчас меня не столько занимала политика, сколько более приземленные вопросы. Мне очень хотелось есть. Даже если прямо сейчас под воротами университета стоят эти самые орки, я лучше сытой умру, чем на голодный желудок.

Повара скучали на раздаче, помешивая поварешкой кашу и отгоняя папирусом зудящих вокруг варева навозных мух. Конечно, весной коровий навоз еще не такой душистый, как летом, а потому из хлева они перебрались в тепленькое местечко на кухню. Либо преподаватели пали смертью сытых, либо место не пользуется среди них популярностью. Заметив меня, повара изрядно приободрились и от души накормили всем, что только имелось. Уплетая за обе щеки горячую кашу, хлеб с маслом, мясную похлебку, капустные пирожки и ароматный кофе, я практически испытала блаженство. К тому же, видя мой болезненный вид, повара и с собой положили пару пирожков, чтобы по дороге до комнаты не отошала. От сытости даже боль ненадолго отступила. Но я не стала пренебрегать советом магистра Олхарда, а потому заглянула к лекарю.

Высокий молодой стройный мужчина, с черными, как смоль волнистыми волосами до плеч, такими же бездонно черными глазами, сразу оторвался от дел и окинул меня оценивающим взглядом. Он выглядел настолько мужественно, словно всю жизнь обращался с оружием, но никак не со склянками. Мне даже стало не по себе. А туда ли привел меня кристалл? Черные глаза продолжали меня исследовать, а внутри них плясали искры огня. Видимо отголоски магии – просканировал на наличие повреждений. Красивые брови мужчины взмыли вверх.

– Кто с вами сотворил такое? – возмутился он, а искры в глазах, я это точно видела, разрослись в настоящее пламя. Неужели огненный лорд? Или низший демон? Я боялась таких господ с самого детства и не без причины... Стоит полагать, что в лучшем в империи магическом университете даже лекари необычные. Я уже имела честь встретить господина из службы охраны, и он мне совсем не понравился. Но вот здешний лекарь – страх да и только. Хотя и в привлекательной обертке.

– Надеюсь, эта информация не покинет пределов комнаты? – сглотнув, протянула я едва слышающимся языком.

– Разумеется, – подтвердил он, а пламя в глазах исчезло – вернулась бесконечная бездна. Хрен редьки не слаще. – Об этом можете не беспокоиться. Все, что мне становится известно на сеансах – не покидает границ данной комнаты.

– Вы можете мне помочь? – я положила сверток с пирожками и своим грязным платьем на столик, а сама улеглась на кушетку, на которую указал мужчина, и закрыла глаза. Обстановка больше подходила для принесения меня в жертву какому-нибудь кровожадному богу, нежели для обычного осмотра. Но я постаралась взять себя в руки. Хватит бояться. Только не после того, что я уже прошла.

– Для начала, я очищу вашу ауру. Она кишит энергетическими паразитами и вся в дырах. Удивительно, как вы только на ногах стоите.

Я бездвижно лежала на кушетке, пока лекарь проделывал надо мной необходимые ритуалы и нашептывал заклинания, и всей душой надеялась, что не отправлюсь к праотцам. Как ни странно, но стоило магистру закончить, а мне сесть, как самочувствие существенно улучшилось, хотя тело от усталости стало ватным. Меня потянуло в сон, о чем я заявила душевным зевком, совсем некультурно продемонстрировав лекарю гланды.

– Отличная реакция на сеанс. У вас сильный организм, скоро поправитесь. Магистр Дамиан Рейнгард, всегда к вашим услугам.

– Элизабет Торнтон, – я протянула руку и магистр, не мешкая, галантно прикоснулся к ней губами. Не только красив, полезен обществу, но еще и воспитан. И после того, как помог мне, уже не кажется столь ужасным. Приятно видеть подобное сочетание в современном мужчине. Сегодня это большая редкость. Улицы и балы кишмя кишат женоподобными мужчинами с узкими бедрами, втиснутыми в тугие лосины и широкими плечами, украшенными рюшечками и бахромой. Либо напротив – высокомерными тиранами, застегнутыми на все пуговицы своего боевого мундира и увешанными орденами. «За исключительное высокомерие», «За пренебрежение правилами этикета», «За высмеивание женских слабостей», много всяких досто-

инств. А тут столь великолепный образчик мужественности. Боюсь я таких. Боюсь и опасуюсь. Я одернула руку, которая дольше положенного задержалась в его ладони и соскочила с кушетки. – Могу идти, магистр Рейнгард?

– Можете обращаться ко мне по имени. Все же вы не адептка, а у меня нет детей, – мягко улыбнулся мужчина. – И боюсь, что нет. Вашу ауру залатать было не сложно, но вот повреждения... – он бросил взгляд на мой живот, который я инстинктивно накрыла ладонью. – Они не магического характера... все, что в моих силах – помочь вашему организму справиться с травмами самостоятельно. Выпишу три настойки. Одна, – на столик лег небольшой пузырек ярко фиолетового цвета, – снимет боль. Три капли в день на стакан воды. Не больше. Вторая, – оранжевый пузырек, размером гораздо больше, встал рядом с первым, – поможет восстановить повреждения. Будете принимать по 10 капель, трижды в день не запивая. И третий, – пузырек из зеленого стекла, самого большого размера. Мне прекрасно известно, что хранят в таких колбочках, – успокоительное. Принимать по мере необходимости перед сном. И, госпожа Торнтон... заклятие «Молчание души» на последней стадии разрушения. Но вы, должно быть, и сами это чувствуете. Если все еще актуально, подходите через пару дней, я обновлю его.

Он протянул мне пузырьки и рецепт, напутствовав принять душ, капли и немедленно лечь спать, пообещав, что завтра буду чувствовать себя словно заново родившейся. Сильно в этом сомневаюсь, но хуже уже точно быть не может. И откуда он узнал о наложенном на меня заклятии? На моем лбу ведь не стоит печать. Уточнять я не стала, решив, что через пару дней, если мне станет лучше, я приду к нему и обо всем узнаю.

Заклятие «молчание души» можно накладывать только раз в год абсолютно здоровому человеку, в противном случае возможны самые серьезные последствия и даже смерть. Об умении накладывать его не распространяются, потому что никто не может дать гарантии, как именно оно сработает, но народная молва разносит новости и к подобным умельцам не иссякает толпа страждущих.

Моя комнатка, расположенная в крыле преподавателей и работников университета оказалась очень привлекательной, просторной и светлой. Возле окна стояла большая кровать с пушистым мягким матрасом, рядом с ней – тумбочка для мелочей, на которой красовалась ваза со свежими ромашками. На окнах – легкая тюль цвета нежной сирени. Возле входа у стены шкаф для одежды, с зеркалом во весь рост на дверце. Также в комнате имелся письменный стол, стул и вход в святая святых – собственную ванную комнату. Я убедилась, что горячая вода и санузел работают, как положено и возликовала. Последовав совету магистра Дамиана Рейнгарда, я приняла горячий душ, капли и предалась глубокому восстанавливающему сну. Невзирая на время суток, мой организм требовал и получил свое.

На следующее утро мое состояние можно было назвать великолепным. Я привела себя в порядок, приготовившись к первому рабочему дню. С восходом солнца в комнату вошла та сама гоблинша, Кларисса, вручила мне пакет со сменной одеждой и необходимыми атрибутами, дала краткие пояснения, что и как я должна выполнять. Переодевшись в сарафан из плотной темно синей ткани и, нацепив кружевной белый передник, я покрутилась перед зеркалом. Из него смотрела высокая стройная девушка с высоко забранным хвостом волнистых каштановых волос, густым водопадом спускающихся до середины спины. В ярко зеленых глазах – отличительная черта женщин нашего рода – читалась плохо скрытая печаль. В целом, я была обладателем весьма привлекательной внешности и, как говаривала мама, это тоже действие проклятия рода, ведь никто не захочет сделать восемь детей уродливой женщине. Цинично конечно, но видимо что-то в этом есть, иначе, зачем мне грудь третьего размера, длинные ноги и стройное тело? Явно не для того, чтобы было удобнее полоть репу или чистить чужие унитазы. Заметив недовольный взгляд ожидающей Клариссы, я поспешила закончить приготовления к смене, вернула ей вчерашнее платье и побрела на завтрак, после которого приступила к своим непосредственным обязанностям.

Адепты действительно неплохо накуролесили. В кабинете стихийной магии царил полнейший бедлам. Судя по грязи, размазанной по полу, стенам и даже потолку, изучали они на днях магию земли и воды. Сочетание получилось впечатляющее. Не менее впечатляющим оказалось и усердие, с которым они эту магию изучали... Во всяком случае, я понятия не имела, как мне соскребать остатки магических упражнений с потолка, высотой как минимум в пять метров. Даже если я поставлю стул на две парты, дотянуться мне все равно не грозит, а вот переломать позвоночник в нескольких местах – очень даже. Прибрав все, кроме потолка, я оценила масштаб катастрофы. Если что-то делать, то делать хорошо.

– Так, дорогая куча грязи. Давай с тобой разбираться.

Вот уж чего не ожидала, так это ответа от кучи грязи.

– Эбигейл... Эбигейл... – чуть слышный, едва различимый шепот нескольких голосов. Они доносились отовсюду и ниоткуда в то же время: звенящие, шипящие, зовущие и плачущие. Сначала показалось, что я схожу с ума, но голоса становились громче, настойчивее. Окутывали меня, словно шелковой простыней. – Эбигейл, прими свою силу... Эбигейл...

Я была готова в страхе выбежать из кабинета, если бы ноги слушались. Но предатные каменным извоянием пригвоздили меня к паркету. А потом началось и вовсе необъяснимое. В области сердца разлилось непривычное тепло. Ладони запульсировали от приливающей крови, кончики пальцев защеконала энергия. Она словно повелевала мною, приказывала, руководила, а я была только проводником. Рука, ведомая кем-то, взмыла вверх и в тот же миг куча грязи, размазанная по потолку, послушным потоком опустилась вниз и, следуя движению моей ладони, легла в мусорный бак. Я будто под действием гипноза другой рукой подняла воду из ведра вверх, и струя водной тряпочкой смыла грязные следы на потолке над моей головой. Вода послушно танцевала под потолком, очищая его, пока за спиной не громыхнула дверь. Я резко обернулась на шум и заметила глаза цвета ледяных незабудок. Их действительно сложно забыть... Ведро воды тяжелым грязным ливнем обрушилось прямо на мою голову. Откашлявшись и протерев глаза, я вытаращилась на дверь, но там никого не было. Неужели мне показалось? И что это вообще такое было, я же не обладаю магией? Неужели этот блондин играл со мной?

Но хуже всего было то, что я вымокла с ног до головы. Придется теперь использовать запасной комплект формы, а эту стирать.

Закончив уборку в кабинете, при этом усердно костеря произошедшее за дополнительную работу, я приняла душ, переоделась и отобедала в столовой. Теперь предстоял нелегкий труд – женская уборная. Даже представлять не хочу, какие чудеса меня там могут поджидать. Не говоря уже о совсем не чудесных предметах женской жизнедеятельности.

Вооружившись тележкой с разнообразными чистящими средствами и мочалками, я испросила у кристалла дорогу до ближайшей общественной уборной. Но, не дойдя нескольких метров, вновь замерла. Все же ледяные голубые глаза мне не привиделись. Он разговаривал с мужчиной, которого я уже знала – магистром Рейнгардом. Два мужественных северных Бога мирно беседуют. На такую картинку можно любоваться бесконечно. Создавалось впечатление, что Дамиан – копия блондина, только в темном амплуа. Такие же до плеч волосы, но черные как ночь и резкие очертания мужественных скул. Разве что глаза... их глаза отличались. Цвета редкого черного опала и цвета аквамарина. Мужчины вели оживленную беседу, а я оторопело пялилась, не в силах оторвать взгляд. Что-то в них меня смущало, отталкивало и притягивало одновременно.

– Любуешься картинкой? – послышалось из-за спины. Я даже вздрогнула от неожиданности. – Без вариантов. Господин Кристиан Рейнгард обручен с кронпринцессой, а господин, на чьем лице выражение бесконечной скорби – декан лечебного факультета, его брат, не менее прекрасен, но слишком стар, на мой взгляд. Разница в 156 лет, это, по-моему, чересчур.

К любованию красавцами присоединилась девушка, с копной рыжих кудрявых волос, большими карими глазами, как у олененка и задорной улыбкой. В руках она держала кипу учебников, на одном из которых написано «Основы магии огня». Видимо адептка с факультета стихийной магии. Она действительно была похожа на огонек.

– Обручальное кольцо у него необычное, – заметила я. Никогда не отличалась особой любовью к украшениям, но на это, почему-то, внимание обратила сразу. Небольшой серебряный ободок, а в центре крупный красный камень в форме сердца, которое, как будто пульсировало красным светом. Я стряхнула с себя наваждение. – У кронпринцессы скверный характер, как они уживаются?

О манерах нашей коронованной особы мне было прекрасно известно.

– Вдобавок она страшная, как смертный грех, – поддакнула девушка.

– И где же вы, дамы, умудрились повстречать этот смертный грех со скверным характером, если представлена ко двору она будет только в следующем году? – девушка лишь неопределенно пожала плечами на замечание подошедшего рыжеволосого парня, а я не сочла нужным делиться своими знаниями с незнакомцами. Они с рыжеволосой были похожи, видимо брат и сестра.

– В любом случае, он достоин гораздо лучшего, – мечтательно вздохнула незнакомка.

– Тебя, например? – усмехнулся парень. – Такие как он женятся лишь на принцессах и дамах из высшего света. А ты ни первая, ни вторая. У тебя ни единого шанса. К тому же, он прекрасно нас сейчас слышит.

Щеки девушки мгновенно зашлись румянцем и она опустила свои большие глаза. Будто снующие туда-сюда адепты могут уличить ее в чем-то. Впрочем, непозволительно, чтобы чужие разговоры кто-то подслушивал, даже если в этих разговорах перемываются косточки или отпускаются восхищенные вздохи. И это вновь случилось.

– Эбигейл... Эбигейл...

– Вы это слышите? – я обратилась к ребятам, отказываясь доверять собственному слуху. Я предполагала, что магический университет окружен магией, но что мне доведется стать ее участницей, представить было сложно.

– Я слышу, как колотится мое сердце, когда смотрю на него, – шепотом произнесла девушка.

– Он даже шепот твой слышит, дуреха, – Усмехнулся рыжеволосый, отчего девушка еще больше покраснела, практически как обложка учебника, который держала в руках.

Из открытого в коридоре окна донесся свежий весенний ветерок. Я закрыла глаза, чувствуя уже знакомое тепло в области груди и покалывание на кончиках пальцев. Ветер словно окутал меня с ног до головы, обнял, закружился невидимым вихрем вокруг всей нашей компании и стих. Открыв глаза, я натолкнулась на аквамарин, прямо перед моим лицом. Правила приличия в виде допустимых расстояний между незнакомцами ему явно неведомы. Ребят как ветром сдуло, только глаза, прекрасный обладатель которых сейчас стоял непозволительно близко. Что у него за манера? Я начинаю сердиться и сдерживать себя все трудней.

– Как вы это сделали? – тон такой же холодный, как и взгляд. Хотя голос, следует признать, весьма приятный. Низкий, бархатистый, пробирает до самых пяток.

– Сделала что? – я не на шутку испугалась и отступила на шаг, чтобы оказаться дальше от него и вернуть личное пространство. Не могу выносить присутствие мужчины рядом со мной так близко. Но все же не хочется потерять работу, пусть она и не престижная, но будет кормить, поить, одевать и предоставлять кров. А на сегодняшний день мне большего и не нужно.

– Госпожа... – он требовательно уставился на меня, намекая, что было бы неплохо представиться.

– Элизабет Торнтон, – я рефлексивно сделала реверанс и по этикету вытянула вперед руку, которую мужчина, по тому же самому этикету, должен был пригубить. Чертова привычка чуть не выдала меня с головой. Ледяной взгляд изменился и рассматривал меня еще более пристально. В отличие от своего брата, он действительно он, судя по всему, имел ту самую медаль «За пренебрежение правилами этикета». Точно. Военный. Охрана университета. Я вернула руку обратно, нацепив дежурную улыбку. – Понимаю, не пристало целовать руку, которая моет ваши туалеты... Уж простите, господин как вас там...

– Кристиан Рейнгард, как верно заметила ваша спутница.

– Господин Любитель подслушивать чужие разговоры, – выдержка трещала по швам. Вдох-выдох и уже спокойно. – Мне не нужны проблемы. С вашего позволения я пойду мыть сортиры, и бороться с нечистотами.

– Вы никуда не пойдете, пока не объяснитесь, – прервал он, а я уткнулась носом в нечто невидимое, теплое и, кажется, пушистое. Бесцеремонно пощупав это самое «нечто» перед собой, я не смогла найти объяснения и повернула недоуменный взгляд к мужчине. Пояснять что-либо он был не намерен, а вызывать еще большее негодование не пристало. В конце концов, он здесь, насколько понимаю, играет не последнюю роль, а значит мне нужно вести себя подобающе. Что же. Играть роли – дело привычное.

– Простите, господин Рейнгард, но я не понимаю, о чем вы...

– Не понимаете? – он повернул голову на бок и сузил глаза. Как хищник. – Я ведь могу сделать все иначе. И рассказывать не придется.

– Пожалуйста, если считаете необходимым, – опрометчиво согласилась я и развела руки в стороны, демонстрируя свою решимость помочь ему всем, что только потребуется. Но не думала, что он действительно воспользуется предложением. Мужчина подошел вплотную, третий раз бесцеремонно нарушив правила этикета и положил ладонь мне на лицо. Такой наглости от незнакомца я не ожидала, но вырываться не стала. Захотелось ему лицо мое пощупать – пусть щупает. Лишь бы отпустил, и должность моя осталась при мне. Проходящие мимо адепты, к моему удивлению, не глазели, и не отпускали шуточки, а, увидев мистера «холодная решимость», опускали глаза и резко меняли направление движения. Достаточно вспомнить рыжеволосую красавицу, исчезнувшую, как только господин Рейнгард оказался на расстоянии вытянутой руки.

Через пару мгновений мужчина одернул руку. Не сразу я заметила, что она покрылась красными волдырями. При этом ни единый мускул не дрогнул от боли на его лице – там властвовало бескрайнее удивление. Воистину – бесчувственный и бесцеремонный кошмар!

– Я сделала что-то не так? – едва дыша от страха.

– Кажется, это мы сделали что-то не так, – задумчиво протянул он и исчез в ослепляющих лучах света. Станный какой-то.

Пришла в себя не сразу. Не представляю, что мужчина имел в виду и что хотел этим сказать, но сортиры сами себя не помоют, а деньги сами себя не заработают. Кроме того, сегодня у меня свободный вечер, а это значит, можно будет пойти в город и купить кое-что из одежды и предметов первой необходимости. Мне выплатили аванс в три золотых, и сейчас я могла себе это позволить. Возможно, подвернется какая-нибудь несложная работа, и я смогу еще подзаработать. По моим подсчетам, чтобы сработал план, который я задумала, понадобится как минимум пятьсот золотых, именно столько стоит побег и собственное хозяйство на окраине южных земель империи. А для этого нужно работать в три погибели... Зато цель оправдывает средства. Едва сдерживая слезы и приказывая себе не плакать, я отправилась выполнять свои должностные обязанности. Молчание души рушилось, а вместе с ним рушилась и моя выдержка.

Закончив с уборкой около пяти вечера, я взяла три золотых, выданных в качестве аванса, и отправилась в город. Все же, чтобы получить более-менее достойную подработку, я должна

быть похожа на приличного человека, а не заблудшего полукровка, которых так не любят в Астории. Ты можешь быть человеком, эльфом, демоном, да на худой конец орком или даже горгульей, но не полукровкой. Межвидовые скрещивания как-то не приветствовались в силу непредсказуемости результата.

Прохожие бросали на меня удивленные взгляды. Несмотря на время года, еще властвовал холод, а я щеголяла в коротком синем халатике с белым передником. К сожалению, ничего другого у меня не было, даже цветастое платье гоблинка забрала, словно святую реликвию. Поэтому первым делом я купила пару недорогих теплых платьев. Длина как положено приличным девушкам – в пол. Рукава – три четверти. Фасон – облегающий. На мой взгляд, такие наряды наиболее удобны с практической точки зрения, к тому же смотрятся на мне очень прилично, несмотря на то, что ткань самая дешевая, а расцветка советует посетить похороны или не менее скорбные мероприятия. Ничего. Элизабет Торнтон и не такие трудности пережила. Я справлюсь со всем. Обязательно.

– Эбигейл...

Снова этот шепот, зовущий меня давным-давно забытым именем. Откуда он? Я обернулась по сторонам, но не заметила никого, кто мог бы сыграть со мной такую злую шутку. Прохожие семенили по своим делам. Лишь небольшая белая тень, стрелой мелькнула мимо и несколько нелюдей прохожих оглядывали меня с неодобрительной ухмылкой. Поежившись и натянув вырез платья повыше, я поспешила вернуться в университет, отметив про себя, что было бы неплохо приобрести шерстяной платок.

В этот раз на водно-огненный пузырь даже не обратила внимания, спокойно пройдя сквозь него и почти сразу же натолкнувшись на привратника.

– И не совестно тебе, девка, так сквозь защиту нырять?

– А что я должна еще с ней делать, господин Швайнихтер? – любопытствовала я у гоблина.

– А... дочка моя выдала, – скривился он. – Ничаво не должна была делать. Позвонила в колокольчик и жди, доколь я выйду.

– Так в прошлый раз вы не особо спешили. Этак я состарюсь, пока дождусь.

– В прошлый раз ты выглядела как голытьба подзаборная, никак милостыню просить пришла, от я и не выходил. А покудова у тебя пропуска личного в университет не имеется, положено стоять и ждать. Защита она вон ыть какая. Давеча девка тоже смелая в университет к нам поступать шла. Ну, я тоже магией немного балуюсь. Вижу – не поступит. Ну чаго думаю бедной мучиться. И не стал к ней выходить. Тык она, возомнив себя всеильной ведьмой, прямо на защиту и поперлося...

– И что с ней стало? – видя скорбное выражение на физиономии гоблина, любопытствовала я.

– Ты имеешь в виду, где останки закопали? Та не знаю, отдали родственникам...

– А зачем университету такая защита, которая людей убивает? – возмутилась я. – Это же дикость!

– Война, девка, война... – с тяжелым вздохом протянул гоблин. Поговаривают, что народец мой, не будь дурак, снова в поход на империю собирается. Тупоголовые балбесы! А университет – основной поставщик магов на фронт, смекаешь, девка?

И я действительно смекнула. Только неужели те, кому пришла в голову гениальная мысль обнести университетский городок стеной и защитой, полагают, что гоблин способен понять, кого пропускать, а кого нет?

– А какой магией вы владеете, господин Швайнихтер?

– Да зови меня просто – дед Шива. Чай уже почти породнились, – гоблин задорно хрюкнул и потербил свою седую бородку. – Я хранитель щита. Ну и прорицаю немного. От как гляну на бабу аль мужика, так и прорицаю.

– Что ж тогда ко мне не вышли? Неужели не узрели, что я просто на работу устраиваться пошла и диверсий не замышляла?

– А тебя, девка, не могу прорицать, – развел руками мужчина. – Пытался, ан нет. Не выходит. Темнота и пустота, словно и нет тебя. А ты ж ведь вона она. Тутова, – он улыбнулся во весь рот, позволив сосчитать все недостающие зубы.

– Тутова, деда Шива, тутова, – усмехнулась я. – Ну, я пойду, пожалуй, холодно на улице.

Не успела я пройти и тридцати метров, как за спиной послышались торопливые шажки. Я обернулась. Гоблин, явно не привыкший бегать, изрядно запыхался.

– Уф, вон Матильда моя все мне говорит спортом узаняться, а не на диване валяться, не слушал бабу, так ыть теперь даже ходить тяжело. Погоди девка, погоди, – он отдышался и уже спокойно подошел ко мне, на ходу подтягивая широкие шаровары за кожаный ремень. – Тебе ж к ректору зайтить велено. «Як только морду свою на территорию университета покажет – живо ко мне».

– Что, прямо так и сказал? – усомнилась я и, получив в ответ утвердительный кивок и взгляд «вот те крест», достала кристалл, чтобы найти кабинет этого самого ректора. Интересно, для чего ему понадобилась рядовая уборщица? Неужто блондин на меня настучал? Если так – сама ему настучу при следующей встрече. Если смелости, конечно, наберусь.

Кабинет ректора располагался в административном корпусе, неподалеку от того, в котором находилась моя комната. Трехэтажное здание из темного булыжника с черепичной крышей мало чем отличалось от других построек и, если бы не кристалл, в этом жутком хитросплетении строений я бы давным-давно заблудилась. Наверное, я никогда не научусь ориентироваться здесь.

Насколько понимаю, вопросами моего трудоустройства заведует магистр Олхард и ректору ни к чему заниматься такими мелочными делами, как устройство уборщиц. Раздираемая любопытством и страхом, я постучала в дверь и, услышав негромкое «входите», последовала предложению.

В кабинете царила идеальная академическая чистота. В книжном шкафу одна к одной ровными рядами стояли книги. В алфавитном порядке. Все бумаги – разложены по местам или засунуты в папки с надписями и пометками. На письменном столе, за которым восседал худой и неказистый как гусиное перо мужчина, не было ничего, кроме чернильницы и нескольких листов пергамента. Мне даже стало не по себе. Обычно столь идеальная стерильность бывает либо у людей со слабым иммунитетом, либо у людей со слабым разумом... ни первое, ни второе у ректора я с первого взгляда обнаружить не смогла, поэтому стояла, в ожидании неизвестности и терялась в догадках. Даже жутко стало. Оторвавшись от написания, он обратил свой взор на меня.

– А. Будущая адептка Торнтон. Присаживайтесь, – он указал на стул перед письменным столом и вновь вернулся к своему занятию, проявляя ко мне не больше внимания, чем к засохшей в углу его кабинета традесканции. Понятно. Видимо, ректор разумом слаб...

– Вы меня с кем-то спутали, господин ректор. Я уборщица, а не адептка.

– Что вы думаете об обучении в нашем университете? – ректор смерил меня пристальным взглядом серых глаз.

– Ничего не думаю. Я не обладаю магией, господин ректор.

В ответ еще один пристальный взгляд и скептическая ухмылка.

– Да, резерв у вас действительно маловат даже для самого слабого мага, – подтвердил ректор. – Но не в этом суть. С завтрашнего дня вы числитесь на факультете стихийной магии. Специализацию определим после года обучения.

Тишину прервал мой вырвавшийся смешок. Непонятная реакция ректора смутила. Это не было шуткой.

– Извините, но это абсурд какой-то. Еще раз повторю, я устроилась в ваш университет, чтобы подзаработать денег, которых, кстати, для платы за обучение у меня нет. Как нет магического резерва и какой-либо магии, – тут я вспомнила, как свидетелем полтергейста с водой стал блондин, который, видимо, и настучал обо всем ректору. Необходимо расставить все точки над i. – Да, совершенно случайно куча грязи сорвалась с потолка и попала в мусорный пакет, но это еще ничего не значит.

– Совершенно случайно, – не отрываясь от написания документа, повторил ректор. – Полейте цветок за моей спиной, пока я работаю.

– Извините, но мне нужно вернуться к своим прямым обязанностям, – возмутилась и даже со стула вскочила. Ответом послужил лишь спокойный взгляд серых глаз и повторение просьбы. Замечательно, тут моя судьба решается, а ему, видите ли, надо цветочки полить! – Цветок загублен. Его проще выбросить, чем поливать.

– Адептка Торнтон. Я не привык повторять дважды, а тем более, трижды.

Сжав зубы, я схватила с приставного столика лейку и знатно полила засохшую традесканцию. Настолько знатно, что лишняя вода, перекатившись через края, полилась в поддон, а оттуда на столик и на пол. Что называется – от души!

– Довольны? – рявкнула я, усаживаясь обратно на стул. Ректор меланхолично обернулся к цветку и заметил:

– Для первого раза неплохо, но я рассчитывал на цветение.

Я раскрыла рот. Засохшая традесканция ожила. То есть по-настоящему ожила. Сухие листики налились соком и свисали вниз бодро окрепшими лианами, словно они никогда и не засыхали. Нет. Это все какая-то волшебная или заговоренная вода. Я тут явно ни при чем...

– Подпишите вот здесь, адептка Торнтон, – ректор закончил писать документ и представил мне для подписи. Я даже не взглянула, сразу потребовав объяснений, еще не отойдя от увиденного.

– Что это?

Ректор выжидательно на меня уставился с протянутым листком, но, осознав, что я не намерена сдаваться без боя, мгновенно изменился и в лице, и в выражениях, и в манерах поведения.

– Боюсь, вы неверно поняли, моя дорогая, – открытость и напускное добродушие сменились змеиным оскалом. – Учеба здесь – это не предложение. Это приказ, – его голос кардинально изменился. В нем появилась холодная сталь.

Я усмехнулась в ответ. А вот это он зря про приказы.

– Очень интересно. Кто и по какому праву смеет мне приказывать? Я свободный человек и никому не принадлежу.

– Вы подданная императора, – спокойно напомнил ректор.

– То есть вы хотите сказать, что сам император приказал зачислить меня, незнакомую ему человечку без денег и магии на один из наиболее престижных факультетов ведущего магического вуза империи? – ректор взирал на меня абсолютно бесстрастным взглядом, словно я рассказываю ему рецепт приготовления пирожков с капустой. Ну, точно недалек умом! – Простите, но не верю.

– Не сам император – верховный главнокомандующий. Его правая рука. Назревает война, и империи требуются защитники, адептка Торнтон. А ваш долг как жителя империи – встать на ее защиту. Это потребовалось. Так что подпишите бумагу. Ваши вещи перенесут в новую комнату. Во время обучения полагается стипендия в 10 золотых. Насколько знаю от магистра Олхарда, три в качестве аванса вы получили, поэтому в деканате выдадут еще 7. Советую не тратить все и сразу, как это делают другие адепты первокурсники. И проявите особое усер-

дие. Империя платит за ваше обучение. В ответ вы должны будете отработать потраченные ею деньги верной службой. Контракт на 10 лет.

– Десять лет? – возопила я. – Вы шутите, должно быть?

– Адептка! – резко заявил он. – Вас призвали на военную службу. Остались вопросы – задавайте их верховному главнокомандующему. Я тоже выполняю приказ и не привык заниматься подобной благотворительностью.

Это меня-то, окинув презрительным взглядом, назвали благотворительностью? Что же. Скандалами, очевидно, я ничего не добьюсь, а потому, встав и расправив складки на платье, спокойно поинтересовалась:

– И кому я обязана такой честью? Вы не могли бы открыть имя моего благодетеля?

Ректор посмотрел на меня как на полоумную. Ну что поделать, я никогда не интересовалась политикой и не знаю, кто занимает столь высокий пост.

– Кристиан Рейнгард, госпожа Торнтон. Советую подучить политологию и знать в лицо и поименно будущее начальство.

Злость во мне вскипела до предела. Все. С терпением и выдержкой покончено. Будущее начальство? Да что себе позволяет этот высокопоставленный грубиян?! Мало того, что ему правила приличия неведомы, так он еще и мою жизнь псу под хвост пустить решил, нарушить мои планы? Нет. Я устроилась сюда для тихой и безопасной работы, а оказалась втянутой в какую-то мутную авантюру. Тем не менее, нацепив лисью улыбку, я произнесла.

– Благодарю, господин ректор. Могу я идти?

– Странная вы, адептка Торнтон. Идите. Кристалл укажет путь до ваших апартаментов.

Сдерживая гнев и продемонстрировав ректору умение улыбаться столь сладко, что даже задница может слипнуться, я сделала реверанс и вышла из кабинета, сразу же активировав кристалл. С каждым разом мне все привычнее управляться с этой штукой. Я уже даже не чувствую себя ненормальной, разговаривая с камнем. Первым делом добралась до комнаты и швырнула на кровать пакет с покупками, даже не оценив новое жилище. Но знакомый голос заставил остановиться.

– Эбигейл...

Я резко обернулась, но не на звук голоса, а на звук распахнувшегося окна. С улицы в комнату ворвался холодный весенний ветер, и вновь промелькнула белая тень. Видимо игра воображения: ветер заигрывает с белоснежной тюлью занавесок. Я выглянула в открытое окно и ахнула. Пока следовала за кристаллом, даже не обратила внимания, что моя комната располагается никак не ниже десятого этажа. Так силен был мой гнев, что застилал глаза. Сюда проблематично пробраться кому-нибудь постороннему сквозь открытое окно. Оно и к лучшему, мне незваные гости не нужны.

Вид открывался потрясающий. Я могла разглядеть половину университетского городка, а вторая половина осталась за моей спиной куда, к сожалению, окна не выходили. Сколько же тут может учиться человек? Никак не меньше пары тысяч. Университетский городок похож на самодостаточный населенный пункт: тут и кафе, и магазины, и отдельное здание библиотеки, и озеро, и парк, да чего здесь только нет. Полноценный маленький город, утопающий в пестрых красках ранней весны. Красота неопишная. Но мне некогда ею любоваться. Пора спасать собственную шкуру из жадных императорских лап, по непонятной причине жаждущих моей безвременной кончины на границах империи. И только я развернулась, чтобы с нерасстроенным боевым настроем выйти из комнаты, как натолкнулась на незваного гостя и громко заверещала. Империя чуть не лишилась защитницы. Передо мной на спинке стула восседало огромных размеров белоснежное нечто. Тактично дождавшись, пока я закончу орать, нечто меланхолично протянуло:

– Закончила?

И только тогда я разобрала в этой белоснежной куче перьев филина. Говорящий филин? Я заверещала снова, но на этот раз птица меня остановила.

– Эбигейл, прекрати истерику, нам предстоит огромная работа.

– Если ты о восстановлении моей психики, то это уж точно. Падающие с потолка ошметки земли и оживающие цветочки – это еще куда ни шло, в магическом-то университете, всякое бывает! Но говорящий филин, это, блин, как-то чересчур, не находишь?

– Не нахожу, – усомнился филин. – Мне показалось, что в этой ипостаси нам удастся более быстро наладить контакт...

– Наладить контакт, – повторила я, пробуя на вкус эти слова и пытаясь осознать степень своего безумия. – В общем, так! Я сейчас выйду за дверь и уйду, а когда приду – тебя тут не будет. И это не предложение.

Пока моя голова совершенно не утратила связь с реальностью, я выскочила из комнаты. Боже упаси, мне еще с птичьим миром общие связи налаживать не хватало. Неужели я действительно умом тронулась? После всего, что мне довелось пережить, это неудивительно. Но хотелось бы верить, что я более крепкая. Надо будет сходить за вещами в старую комнату, в ней остались капли, прописанные Дамианом для душевного спокойствия. Наверняка это нервное расстройство, иного объяснения у меня не было. К тому же, действие заклятия начинает ослабевать... нервность, галлюцинации, бред, истерия – это лишь наиболее безобидные последствия, если его не обновить вовремя.

Выйти за дверь я, определенно, вышла и даже хлопнула ею на прощание, намекая филину, что намерения мои вполне серьезны. Но вот где искать этого самого господина Рейнгарда, я не имела ни малейшего представления. Решила обратиться к кристаллу, надеясь, что он настроен не только на поиск пути, но еще и на поиск людей. И действительно, камень стал указывать путь. Мы вышли из корпуса стихийников, прошли сквозь парк, обогнули озеро и оказались в корпусе боевых магов. Камень привел меня к той самой девушке с рыжими волосами, с которой мы обсуждали братьев Рейнгард. То ли кристалл сломался, то ли на что-то намекал, поэтому я обратилась к своей находке. Найдка была увлечена переписыванием расписания, а потому, до того, как меня заметили, было время, чтобы придумать правдоподобную чушь и познакомиться. Глаза цвета липового меда заметили меня.

– Привет. Мы не познакомились в прошлый раз. Я Элизабет Торнтон, – постаралась быть дружелюбной.

– Привет. Деми Луарен, – она дружелюбно улыбнулась и оторвалась от перечня предметов. – Тебе намного лучше в этом платье, нежели в форме. Конечно, она эффектно подчеркивала стройность твоих ног, но длинные платья смотрятся более изысканно!

Сама девушка была в длинном шерстяном платье красного цвета с капюшоном. Платье также плотно облегло фигуру и от талии расклешалось в юбку солнце, которая, как и у меня, тяжелыми красивыми волнами опускалась практически до самого пола. Пояс девушки украшал кожаный ремень, с прикрепленными к нему короткими кинжалами и небольшая кожаная мошна, то ли с деньгами, то ли с дамскими штучками. Выглядела она потрясающе. Я не сразу обратила внимание, что все в корпусе одеты в красные наряды: и adeпты, и adeпткИ. У всех слева на груди небольшая нашивка в виде щита, на котором красуется язык пламени. Видимо это корпус не боевой магии, а магии огня. Влетев, я даже не обратила внимания, где нахожусь.

– Спасибо, тебе тоже очень идет ваша форма.

– Такую только на третьем курсе выдают. Первые два приходилось абы в чем ходить – это кошмар какой-то! Ты случайно сюда зашла или по делу?

– По делу. Мне нужно найти Кристиана Рейнгарда, а кристалл привел, почему-то, к тебе. Девушка заодно рассмеялась, чем несколько меня смутила.

– Прости, не хотела тебя обидеть, но кого-кого, а господина Рейнгарда младшего кристаллом обнаружить нереально. Никаким вообще. У меня с ним индивидуальное занятие через

полчаса в 305 аудитории. Мне нужно переодеться и подготовиться, потому проводить, увы, не смогу. Но попытай счастье, возможно он уже там. Кристалл поможет найти аудиторию. И, если будет скучно – заходи в наше общежитие огненных элементарей, у меня 13 комната. Все, время не ждет, мне нужно подготовиться, иначе он снова меня уложит!

Даже не желая вникать в значение последней фразы, я вновь активировала кристалл и двинулась в сторону аудитории. Интересно, у камня какое-то определенное количество «зарядов» на поиск, или он как вечный источник магической энергии, который все пытаются придумать, но ни у кого так и не получилось? Нужно будет уточнить... вот только у кого?

Аудиторию я нашла достаточно быстро и, даже не думая церемониться, распахнула двери и ворвалась внутрь. Деми была права. Мужчина уже пришел и, честно признаться, мне стало крайне любопытно, какие индивидуальные занятия он проводит с третьекурсницами, в серых трикотажных брюках на завязках, низко сидящих на бедрах. Из одежды на нем больше ничего не было. Я даже пыл растеряла, бесцеремонно разглядывая его прекрасное тело: широкую грудь, кубики на животе и упругие мускулы на руках. Пшеничные локоны были забраны в хвост на затылке, а у висков выбилось несколько легких прядей. До того, как я ворвалась в зал, он тренировался с мечом. Этим завораживающим зрелищем можно было любоваться бесконечно, но мужчина быстро закончил и повернулся ко мне.

– Налюбовались, адептка Торнтон? – лед холодных глаз треснул смешинками. Хотя, возможно, мне это просто показалось.

– Потрудитесь объяснить, что происходит! – возмущенно заявила я. Впрочем, мой голос, эхом прокатившийся по небольшому спортивному залу, выдавал волнение.

– Вы нарушили правила приличия и ворвались без стука, – спокойно пояснил он и, взяв со столика стакан воды, осушил его, глядя на меня. Наверняка представляет, как осушит меня, если продолжу в том же тоне. Но сдерживать себя я уже не намерена. Плевать на последствия!

– И это вы упрекаете меня в отсутствии такта? Вы, который оскорбил даму, отказавшись поцеловать ее руку при знакомстве? – меня все больше возмущала его грубость и бесцеремонность. А то, что произошло дальше – вообще ни в какие ворота не шло.

– Госпожа Торнтон, – он поставил стакан на столик, подошел ко мне, отвесил светский поклон и, мягко взяв мою руку и глядя прямо в глаза, поцеловал ее. – Теперь я все сделал правильно?

– Кто вас воспитывал? Волки? – я вырвала ладонь и от греха подальше сделала несколько шагов назад.

– Моя мама будет весьма рада, что не она одна плохого мнения о моем воспитании. Но я уверен, вы ворвались сюда как вихрь не для того, чтобы учить меня правилам приличия. Так зачем вы здесь?

– Затем, что вы отдали приказ, – я намеренно выплюнула последнее слово, чтобы он сразу понял, что я думаю о его приказах, – о моем зачислении на факультет стихийной магии!

– Все верно, – подтвердил он и сложил мускулистые руки на обнаженной груди, предвкусывая серьезный разговор.

– Бога ради, прикройтесь и не смущайте меня! Мне сложно возмущаться, когда вы наполовину раздеты!

Второе, чего я не ожидала во время нашей встречи, так это смех. Раньше, возможно, меня бы это тоже позабавило, но, несмотря на его красоту, вид обнаженного мужского тела заставляет меня содрогнуться от ужасающих воспоминаний. Я даже отвернулась и зажала до боли губу, чтобы не расплакаться. Еще чего не хватало проявлять слабость в его присутствии!

– Тогда предлагаю вам отложить ваши возмущения до более удобного случая и отправиться к себе в комнату, чтобы подготовиться к завтрашнему дню. Он принесет вам много интересного.

Поняв, что одеваться мужчина не собирается, я вновь повернулась. Но на этот раз меня уже было не остановить.

– По какому праву вы вздумали, что можете взять и просто так зачислить меня, против воли, на учебу?

– Девочка, – ледяной тон, с которым он чеканил каждое следующее слово, тисками скрутил все мое тело и парализовал. – Перед тобой Верховный главнокомандующий имперской армии. Я могу войти в любой дом Гардии и приказывать любому, кого увижу, в течение двух минут собрать вещи и отправиться на фронт. Считай, что произошла мобилизация, и ты призвана на военную службу.

Лишь когда он замолчал, оцепенение спало. Вот это сила! Пытаясь совладать с дрожью, я вздернула подбородок.

– Да вы что издеваетесь? Посмотрите на меня! Какая военная служба? Я падаю от легкого дуновения ветра, а из магии все, что мне доступно – это карточные фокусы, для которых одна магия нужна – ловкость рук называется. Или вы решили закидать противника пушечным мясом? Поверьте, я лучше трусливо сбегу в ближайшие кусты, чем с шашкой наголо побегу на толпу вооруженных до зубов орков, жаждущих меня разорвать.

– Если я того потребую – побежите, – без тени сомнения заявил он, а жидкая сталь в его глазах не оставила сомнения, что так оно и было бы. Не хочется мне проверять, какими способами он может достичь такого послушания у подчиненных. Я уже чувствую на себе возможности его магии. – Но я такого не потребую. Несмотря на все ваши убеждения, я не изверг. Вы все поймете в скором времени.

– Нет. Я не собираюсь ничего понимать. Я пришла сюда с одной лишь целью, сказать вам, что ни на какое обучение поступать не намерена! У меня есть более серьезные планы, и тратить 10 лет на всякую ерунду я не имею возможности.

– Хорошо, – спокойно произнес Рейнгард.

– Хорошо? – с сомнением переспросила я.

– Да. Если вы выбираете 15 лет тюремного заключения, так тому и быть, – он развел руками и отвернулся, видимо, намереваясь заняться своими делами, от которых я его оторвала.

У меня чуть челюсть не отвисла. Каков нахал! Да я в жизни своей таких не встречала! Если бы умела, я бы обязательно съездила чем-нибудь по его прекрасной физиономии. В груди снова разлилось знакомое тепло, а кончики пальцев зашевелились от напряжения, неведомой силы, которая так и пульсировала в ладонях.

– На что вы намекаете, господин Рейнгард?

– Это закон. Если вы уклоняетесь от призыва, то вам грозит тюремное заключение на 15 лет. Вы бы знали это, если бы учились здесь.

В спортивном зале заметно сгустился воздух. Дышать стало тяжело. Внутри меня колокотала яростная буря. Я не могла, не имела возможности тратить драгоценное время на что-либо, кроме поиска. Я должна найти ее, иначе смысла жизни – нет. 15 лет – это слишком долго... мне уже будет 35, и время безвозвратно утечет. Я почти до крови закусил губу. В спортивном зале содрогнулся пол. Затем еще один толчок и, что совершенно выбило меня из колеи, внезапно прямо из потолка рядом с мужчиной ударила молния, оставив на полу внушительный черный след опаленного дерева. В тот же миг все стихло. И тепло в груди, и шевеление пальцев, воздух снова стал нормальным, а тряска прекратилась. Что это было? Неужели я к этому причастна? От страха сердце колотилось в области живота.

– Я не имею возможности, – сквозь зубы процедила я, – вы просто не понимаете...

– Попытка нападения на Верховного главнокомандующего, – спокойно и, как мне показалось, даже довольно протянул Рейнгард. – Либо пожизненное тюремное заключение, либо учеба – выбор за вами. Если завтра на лекциях вас не будет, ждите к вечеру сумеречную стражу.

– Вы, вы... – я задыхалась от ярости, и воздух снова стал сгущаться.

– Пока вы не покалечились, адептка Торнтон, советую вам успокоиться и хорошенько подумать обо всем.

Я несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы помочь себе вернуть рациональное мышление и поняла. Если сам верховный главнокомандующий пытается засунуть меня на обучение, значит ему от меня что-то нужно. Значит, заточать меня в тюрьме ему не выгодно. Следовательно, мы можем попробовать договориться. Но что он хочет получить взамен, если я не обладаю магией? Единственное, что у меня есть – я сама. Не думаю, что он позарился на мое тело, учитывая, что в университете тысячи прекрасных адептов, которые воспримут за честь возлечь с ним. Причина. Я ее не находила. И это пугало.

– Хорошо, – уже спокойно протянула я. – Я поступлю на обучение, но с одним условием, – холодные глаза сузились и с интересом меня изучали. – Мне нужен доступ к регистрационным книгам империи. Неограниченный.

– Я похож на умалишенного, адептка Торнтон?

– Никак нет, господин Рейнгард? – спросила я. – Видите, я могу быть послушной девочкой. Если вам что-то от меня нужно, то вы должны предоставить что-то взамен, а не шантажировать. Проку от меня, сидящей за решеткой, вам никакого, потому жду завтра вашего решения. Если до начала лекций я не получу ответ, пусть ваша многоуважаемая сумеречная стража приходит и забирает меня!

– А вы отрастили остренькие зубки, адептка, – подойдя ко мне вплотную, улыбнулся Кристиан. – Смотрите, как бы они не откусили ваш собственный язычок.

Он щелкнул меня по носу и, не отрывая взгляда от моих глаз, повысил голос:

– Адептка Луарен, не стойте как истукан. Положите сумку и 15 кругов по залу. Живо! – последнее слово было сказано очень тихо, но пробрало даже меня до самых пяток. Что-то в нем есть ужасающее, несмотря на весь светлый и добрый облик. Я бы могла назвать его ангелом, если бы он поменьше рот открывал.

К моему несчастью, то ли он мысли читать умел, то ли последнюю фразу я вслух произнесла, но мужчина как-то нехорошо улыбнулся и тихо произнес:

– Видимо, вы не встречали ангелов прежде. Кольцо приглянулось? – он проследил за моим взглядом и сурово сдвинул брови.

– И красивей видала! – для убедительности даже нос сморщила.

На этом наш разговор, судя по всему, был окончен, поскольку он развернулся и направился в сторону Деми. Девушка, как и верховный главнокомандующий, была полураздета. Укороченная майка, демонстрирующая все непристойности, помимо груди, и обтягивающие бриджи, чуть ниже колен вряд ли можно считать одеждой. Все красного цвета и с эмблемой факультета огня. Теперь понятно, что здесь за обнаженные игры. Деми, держа в руках два больших камня, бежала по залу. Видимо это индивидуальные занятия по физической подготовке. И где только столь высокопоставленный чиновник находит время на подобные глупости? А, что более важно, что мне теперь делать? Я так и не поняла, к чему мы пришли в результате разговора. Единственное, что стало абсолютно ясным, Кристиан Рейнгард – невыносимый и невоспитанный грубиян, который слишком высокого мнения о себе. Ну ничего, я осажу его однажды. Обязательно осажу. Но, видимо, придется принять его условия игры, поскольку из тюремной камеры, я не смогу выполнить то, ради чего с такими усилиями выжила. Не смогу найти и вернуть ее.

– Чтоб тебе сквозь землю провалиться, Кристиан Рейнгард! – зло выругалась я и собиралась выйти из зала, но случилась очередная неожиданность. Не думала, что мои слова будут иметь настолько буквальное и мгновенное воплощение. Пол под мужчиной провалился, и, если бы не его молниеносная реакция, то мои слова исполнились бы в точности. Не успела я опомниться, как в ответ, в мою сторону полетел разряд молнии. Время словно загустело и растянулось. Я видела, как разрывая воздух, ко мне приближаются миллионы искрящихся частиц.

Завороженная зрелищем и, не в силах даже зажмуриться, я закрыла лицо ладонью, в которую уже со всей скоростью влетела искрящаяся стрела. Как ни странно, я ничего не почувствовала. Вообще ничего. Меня должно было смести с ног, стереть с лица земли, поджарить, отбросить к стене, в конце концов. Увидев ошарашенный взгляд мужчины и Деми, которая даже камни из рук выронила, я быстро сообразила, что к чему, и, пока еще жива, выбежала из зала. Захлопнув за собой дверь, я побежала и не останавливалась до самой комнаты. Господи, что со мной происходит? Что с ним происходит? Мир что, с ума что ли сошел? Не удивительно теперь, что 60% адептов не выживают до выпускных экзаменов, если преподаватели в них вот так вот запросто молниями смертоубийственными швыряются.

– Физкультурой занимаешься? Мо-ло-дец, – одобрительно улюлюкнул филин, видя, как я влетела в комнату и запыхалась. Ну, еще этой напасти мне не хватало!

– Конечно. Все просто. Сначала проваливающийся пол и рассывающиеся молнии, а теперь говорящий филин. Либо я уже тепленькая, либо мир действительно сошел с ума, – я прислонилась спиной к двери, пытаясь отдышаться от страха и бег по лестницам.

– А третий вариант ты не рассматривала? – бесстрастные глаза филина воззрели на меня.

– Не думала, что скажу это птице, но просветите, ваше пернашество!

– Ерничает. Что за ведьмы нынче пошли, не-пу-тее-вые! – протянул филин. – Ты ведьма, дурья башка. Самая что ни на есть настоящая!

– Да ты, знаешь ли, тоже не лучше выглядишь, – огрызнулась я, проходя в комнату и наливая себе успокоительных капель. – Вот сейчас выпью, выплусь и завтра тебя здесь уже не будет. Потому что люди не разговаривают с птицами. Точнее, люди-то могут с ними говорить, но птицы совершенно точно не должны им отвечать!

– Хорошо, я могу поухать, если тебе от этого полегчает. Но ты не человек, а ведьма. И должна принять свою силу, Эбигейл!

– Слушай. Стоп. Стоп. Если ты намерен тут ошиваться, и не привиделся мне, давай договоримся о двух вещах. Ты не разговариваешь при посторонних – это раз. И не называешь меня Эбигейл. Я – Элизабет Торнтон, все понятно?

– Понятно-то понятно, да вот только кроме тебя меня никто не слышит. Все будут думать, что ты сама с собой разговариваешь и споришь с птицей, которая молчит.

Это явно похоже на какой-то дурной розыгрыш, поэтому, не имея больше ни малейших сил ожидать, какие еще сюрпризы мне принесет сегодняшний день, я выпила капли и прямо в платье упала на постель и предалась беспробудному сну.

Разбудило меня мое воспаленное сознание в виде белого филина, бесцеремонно усевшегося на подушку, что лежала рядом, и теребившего крылышком мой нос. Я три раза громко чихнула, отчего птица едва не свалилась с кровати, но, тяжело похлопав крыльями, уселась обратно. Закрывшись подушкой, я под собственные гневные сопения старалась продолжить нагло прерванное занятие.

– Вставай, соня, – клюв пробрался под теплый полог. – Проспишь первый учебный день!

О боже... и правда. Сегодня же первый учебный день. Я недовольно выглянула из-под подушки и воззрела на птицу. Он был красивый: белоснежные перья без единого вкрапления других цветов, с огромными глазами цвета баклажана, вззирающими на меня настолько осознанно, что стало страшно, изогнутым крючком клювом и большими красными лапками. Кажется, несмотря на то, что я все отрицаю, происходящее со мной – не игра воспаленного сознания. Я сурово сдвинула брови.

– А, пришло, наконец, осознание? – понял филин.

– Ты не исчезнешь просто так, да? – устроившись удобнее на подушке, спросила я.

– Не просто так, а никогда. Все, дорогуша, допрыгалась. Тебе присвоили хранителя, а, значит, мы с тобой теперь не разлей вода и лучшие друзья, – филин, совсем как человек, развел крыльями и сам развалился на подушке.

– То есть совсем-совсем никогда?

– Совсем-присовсем. Но, я не собираюсь тратить свое хранительское время на лентяйку, которая отрицает то сокровище, которое ей досталось, – он демонстративно повернулся ко мне задом и переместился на спинку стула.

– Какое сокровище, Филя?

– Какой еще Филя? – возмутился филин.

– А как мне к тебе обращаться? Филимон? Филентий? Филион?

– Я хранитель Филимон Маврус!

– Значит Филей будешь, вот и славно поговорили, – я сладко потянулась в кровати и села, впервые оглядев комнату, а также напрочь игнорируя недовольное сопение Фили. Раз он теперь мой новый питомец, то буду называть его так, как мне вздумается. А, к слову, комната была отличная. Лучше, чем я смела надеяться. Выполнена в светло-сиреневых тонах. На обоях выдавлены цветы сирени, которые также украшают белоснежную тюль. Тяжелые шторы – темно фиолетового цвета спадали до пола воланами. Рядом с окном – двуспальная кровать с шерстяным одеялом, мягкой периной и огромным количеством нежнейших подушек в мелкий цветок сирени. На всю эту постельную красоту я навалилась прямо в шерстяном платье, которое изрядно помялось от такого непотребства. У подножья кровати стоял светло-вишневый комод для одежды, а напротив него – письменный стол и стул, на котором восседал мой новый друг-хранитель. Кроме этого, справа от входной двери располагалась небольшая гостиная зона, в которой стоял шкаф для верхней одежды с зеркалом во весь рост на дверце, а также книжный шкаф, как ни странно, уже заполненный книгами и, в основном, по моей новой специальности – 1 курс, магия стихий. Как тут заботятся об адептах. Рядом со шкафом – мягкое кресло с высокими пушистыми подлокотниками. В таких очень уютно вечером в промозглый день сидеть под пледом, поджав под себя ноги, наслаждаться чашечкой горячего травяного чая, читая интересную книгу, вкусно пахнущую деревом и кожей. Прямо как в детстве, когда отец привозил из Астории новую любопытную историю. Непременно нужно будет этим заняться, когда появится свободная минутка. Перед креслом – низкий кофейный столик, для завтрака или чаепития. И тут я заметила ее – еще одну дверь. Но не в коридор. Надеюсь, что она ведет... да. Она вела в собственную душевую комнату. Неужели все адепты университета живут как в раю? Здесь ведь тысячи человек обучаются, на них не напасешься отдельных комнат. А сколько магической энергии необходимо потратить, чтобы согреть воду на всех, кто решит помыться? Посчитав, что все это не мои заботы, я стянула платье и залезла под обжигающие струи воды. Хорошенько смыв с себя остатки вчерашнего дня, я укуталась в пышное, но весьма маленькое зеленое полотенце с эмблемой университета, услужливо оставленное на крючке и вышла в комнату, посчитав, что хоть Филя в некотором роде и мужчина, но щеголять перед ним едва прикрытыми бедрами вполне допустимо.

– Филя, у меня возник вопро... Господин Рейнгард? – я едва не обронила полотенце от неожиданности, хотя оно и без того не особо меня прикрывало. Насколько помню – дверь на ночь я запирала. Окно – закрыто. Если ему не Филя открыл, то я Великая Княгиня Западных земель!

– Доброе утро, адептка Торнтон, – он с ироничной ухмылкой склонился, намекая, что сделал выводы с нашей прошлой встречи. Не очень утруждая себя, я сделала намек на реверанс и возмутилась. Хотя, стоит отдать должное, мужчина не разглядывал меня пошлым или непотребным взором. Он сделал вид, словно на мне не полотенце, а вполне себе полноценный наряд.

– Увы, в моих апартаментах нет часов, но насколько могу судить – лекции еще не начались. Если вы пришли лично меня арестовать – сделайте милость, приходите вечером, ну, а если нет – в таком случае не пристало человеку вашего положения находиться в комнате адептки, которая, к тому же, еще и не одета.

– Значит все же адепки? – он расплылся в довольной ухмылке, от которой, впрочем, у меня по коже мороз прошел и оставил без внимания остальную часть моей блистательной тирады. Я посмотрела в его глаза – холодные, безжизненные... Они вселяли ужас и одновременно бесконечную жалость. Весь запал растерялся. Возможно, и в его жизни была потеря, не меньшая по силе, разрывающей душу, чем моя. Лишь заклятье, наложенное на меня ведуньей, не позволяет утонуть в бесконечности душевной боли. Срок его действия истекает и процедуру необходимо будет повторить. Она причиняет сильнейшую физическую боль, но эта боль ничто по сравнению с той, которая заставляет душу бесконечно истекать кровью. К реальности меня вернула следующая фраза мужчины. – Я знал, что помимо прекрасной внешности природа наделила вас и сообразительностью.

Значит, все же глазел, и разглядел-таки «прекрасную внешность», торчащую из-под полотенца.

– Вы либо слишком неумело делаете комплименты, господин Рейнгард, либо обладаете особым умением тонко унижить человека. В первом случае – вам следует подучиться, иначе многоуважаемая кронпринцесса вскоре к вам охладет, а во втором случае – я бы попросила вас покинуть помещение!

Мужчина продолжал смотреть на меня холодным взглядом, улыбаясь лишь одними губами. Только сейчас я обратила внимание, что на нем парадная военная форма. Белоснежный камзол с черными блестящими пуговицами и запонками, и такие же брюки. На камзоле нашивка в форме щита, внутри которого два поднятых вверх крыла обрамляют меч. Волосы мужчины пшеничным каскадом рассыпаны по плечам. Они подчеркивают его мужественные скулы и акцентируют внимание на бесконечно голубых, цвета застывших во льду незабудок глазах. Мне почему-то стало не страшно, осталась лишь жалость.

– Уф, уф, – просвистел филин, явно привлекая мое внимание. Да, действительно, я подозрительно пристально разглядываю без пяти минут женатого мужчину, во много раз превосходящего меня по положению и по возрасту годящегося в отцы, а то и дедушки. Но насколько он молодо выглядит! Наверное, мне все же стоит быть более учтивой, даже несмотря на то, что он ничем не может меня шантажировать.

– Так какое решение вы приняли? – бросив неодобрительный взгляд на филина, поинтересовалась я.

– Обидеть вас в мои планы не входило, адепка Торнтон. Напротив, я пришел с предложением мира. Вы были правы. Шантаж – лучшее, что я умею, в силу занимаемой должности. Все имеют свои слабости. С вашей я прогадал. Но обязательно отыщу ее.

Сердце, замерев на миг, пустилось в адскую гонку со временем. Вот уж чего бы я не советовала делать, так это искать мою слабость. Поскольку таковая имеется и если он ее обнаружит, я буду готова сделать все, что угодно, даже сердце свое отдать, лишь бы он не воспользовался ею.

– Очень жаль, что я не умею читать мысли, поскольку ответ прямо здесь, – он подошел и коснулся моей мокрой головы. – Чего вы так боитесь, Элизабет? – проникновенный шепот и если бы не уханье филина, я бы рассказала ему свои секреты. Что за магию он применяет? Это же нечестно.

Я отступила на несколько шагов назад и съезжилась от холода. Возможно от его холодных глаз, возможно от ледяных слов, бесцеремонного вторжения в мое сознание или промозглой погоды, но мне резко стало невыносимо холодно, на что кожа отреагировала мурашками.

– Мои страхи... вас сейчас это занимает? Действительно? – лучшая защита – нападение. – Господин Рейнгард, если вы пришли сюда заморозить меня – у вас отлично получается. Если же с другой целью – давайте непосредственно к ней и перейдем.

– Хорошо, – он грациозно уселся в кресло, то самое, в котором я мечтала выпить чаю за приятной книгой. Мне резко расхотелось этим заниматься. – Присядьте.

Я села на кровать и уставилась на мужчину. По обнаженным плечам стекали большие капли уже остывшей воды и меня начал колотить мелкий озноб.

– Неужели у вас нет халата, чтобы согреться? – он раздраженно закатил глаза.

– Н-нет, – простонала я.

– Тогда накиньте на себя еще одно полотенце, мне совесть не позволяет обсуждать с вами дела, когда вы дрожите как осиновый лист.

– П-полотенца т-т-тоже не-ет... – холод все сильнее колотил меня.

Его глаза наполнились ненавистью и злостью. Затем он встал, быстро расстегнулся и, сняв с себя камзол, накинул мне на плечи, оставшись лишь в черной атласной рубашке, обтягивающей его мужественное тело. Теплая ткань приятно легла на промерзшие сырые плечи, и мне сразу стало теплее. А затем произошло нечто необъяснимое. Какая-то теплая и пушистая волна окутала меня со всех сторон. Холод отступил мгновенно, а по телу разлилась мягкая согревающая нега.

– Так лучше? – холодно поинтересовался он.

– Пожалуй, вы начинаете реабилитироваться в моих глазах.

– Ухх уф уф... – разошелся филин, хлопая крыльями. То ли он специально изображает из себя калеку, утратившего дар человеческой речи, то ли играет, но слишком уж у него это наиграно получается.

– Не думал, что вы любительница птиц, – по-прежнему стоя передо мной и глядя с высоты своего роста, заметил мужчина.

– Я тоже не думала, – кинув рассеянный взгляд на филина, чьи глаза сделались раза в два шире, протянула я. – Так о чем вы хотели поговорить со мной?

– Готов сделать вам предложение. Если вы продержитесь до третьего курса, я дам вам то, о чем вы просили.

Внутри меня разлилось знакомое тепло, а пальцы защекоотало от внезапно накатившей энергии. В комнате стало на порядок ярче и теплее, словно из-за туч вышло солнце, готовое согреть своим ласковым теплом все вокруг. Два года... срок, в принципе, достаточный, для того, чтобы я смогла набрать почти всю необходимую сумму, если буду очень усердно подрабатывать. А если мне удастся получить доступ к книгам и узнать адрес... неважно, что будет дальше. Я сбегу, я найду то, что ищу, а когда найду, можно и в тюрьму, и на тот свет – мне уже все равно. Я сбегу из университета, и пусть по моему следу хоть самих адских гончих пустят – плевать.

– Неужели это для вас действительно настолько важно? – улыбнулся мужчина, возвращаясь в кресло. Послышался мягкий шелест и в то же мгновение стало прохладно. Будто с меня сняли очень теплое пуховое одеяло. Неужели у него такая мягкая и согревающая аура, при его сухом, почти жестоком взгляде.

– Очень важно, господин Рейнгард. Если вашему слову можно верить, я буду лучшей ученицей университета... – заверила я.

– Теперь вы упражняйтесь в изысканных оскорблениях, адептка Торнтон. Даю вам слово верховного главнокомандующего. Что ж. Теперь, когда мы с вами все решили, я спокоен.

Он встал и собрался уйти, но я его остановила.

– Погодите, а камзол?

– Отдадите, если останусь жив, – улыбнулся он. – Согрейтесь. В вашей душе слишком много холода.

– Что значит, если останетесь живы? – внутри что-то сжалось.

– Приближается война, Элизабет... берегите себя и будьте прилежны в обучении. В скором времени вам понадобятся все ваши знания и силы.

С этими словами мужчина вышел, а внутри меня что-то оборвалось и несколько крупных, но необъяснимых мне самой слез скатились по щекам. Что со мной происходит? Почему его присутствие действует на меня таким странным образом, и почему я волнуюсь о нем?

– Эбигейл! – возмущенно фыркнул филин, вырвав меня из оцепенения.

– А, теперь мы дар речи обрели, – размазывая по щекам соленые капли, я обратила внимание на птицу.

– Что ты творишь, Эбигейл? Ты не должна демонстрировать свою силу в его присутствии, ты с ума сошла? Хочешь лишиться всего, что имеешь? Он же тебе голову пудрит!

– Филя, я не понимаю, о чем ты. Мы просто заключили сделку, – я передернула плечами и принялась расчесывать волосы.

– Мы просто заключили сделку. Уму непостижимо! Ты хоть понимаешь, кто сейчас был в твоей комнате?

– Прекрасно понимаю! Господин Верховный главнокомандующий Кристиан Рейнгард.

– Господин верховный главнокомандующий, няняня, – передразнил меня филин, за что удостоился ударом летящей подушки, от которой он, впрочем, мастерски уклонился. – Перед тобой архангел был, дурья ты башка!

– Кто-кто, прости?

– Бессмертный! На земле он практически Бог, и по силе ему очень мало равных, разве что природные ведьмы.

– Ничего не понимаю, ты говоришь загадками, – возмутилась я. – Отвернись, мне нужно переодеться и отыскать лекционный зал. А еще было бы неплохо на завтрак сходить, я не могу разбрасываться деньгами.

За окном багровое солнце залило кровавыми лучами округу. В душе сгущались тучи, предчувствовавшие беду. Небесная кровь... Словно чувствуя мое настроение, небо ответило мелким морозящим дождем. Тем, что так похож на плачущую душу, желающую излиться хоть кому-то, кто ее услышит.

Филин послушно отвернулся, неодобрительно покачав головой на внезапно возникший дождь.

– Нам нужно скорейшим образом начинать обучение, иначе твоя сила выйдет из-под контроля. А знаешь, что делают с природными ведьмами, которые неспособны контролировать силу?

Я натянула чистое шерстяное платье и принялась укладывать густые каштановые пряди, глядя в большое зеркало, висевшее на стене возле окна.

– Нет, Филя. Я не знаю. И о природных ведьмах никогда ничего не слышала.

– Их убивают, Эбигейл!

– Элизабет, – поправила я, нервно дернув расческой колтун. – Мне очень жаль, что их убивают.

– А знаешь, кто убивает природных ведьм? – недовольно фыркнул филин. Какой-то мне питомец достался жутко нервный и всем на свете недовольный, а еще дотошный до ужаса. Ну чего ради он читает мне лекцию про каких-то ведьм и ангелов? У меня совершенно другие заботы – мне необходимо научиться чему-то путному за два года – все же магические навыки мне очень понадобятся для достижения цели, а кроме того, я должна найти работу, которую можно будет совмещать с обучением.

– Нет, Филя, я этого не знаю. Да и ни к чему мне эти знания.

– Архангелы их убивают, что ж ты такая непутевая да несмышленная! – он повернулся ко мне и, тяжело взмахивая крыльями, уселся на мое плечо. Ничего себе! Попугаем себя возомнил. Ноша чай нелегкая, не два килограмма, а все пять будут. – Если тебе дорога твоя голова, – он похлопал меня крылом по волосам, отчего они снова взъерошились, – советую

сжечь этот камзол, и никогда, нет, не так, НИКОГДА больше не встречаться с Кристианом Рейнгардом.

– Это еще почему? – возмутилась я, смахивая с плеча птицу и снова укладывая волосы красивыми волнами. Закончив, я придавила их купленным на днях дешевым ободком, чтобы не спадали на лоб и повернулась к птице.

– О, Боги мироздания, за что мне это наказание? Почему вы не могли отправить меня черной кошкой к какой-нибудь темной ведьме? Да потому что он – Архангел, а ты – природная ведьма и лишь вопрос времени, как скоро он это поймет и уничтожит тебя! Сожги камзол, иначе его энергетика на тебя повлияет! Ты уже вся таяла и даже засияла. Засияла! Ты хоть понимаешь, что то значит?

– Ни малейшей идеи, – я беззаботно пожала плечами и, взяв камзол, еще влажный от воды, аккуратно повесила его на плечики и убрала в шкаф. Уж его точно филин открыть не сможет.

– Все. Отправляйся восвояси. Свяжусь с Богами, попрошу перевод. Как я могу быть хранителем той, которая вообще ничего не знает и, что хуже – знать не хочет?

– Я не просила себе никакого хранителя и не обладаю магической силой, – глядя на камзол господина Рейнгарда, я испытывала непонятные противоречивые эмоции. Коснувшись его кончиками пальцев, я вострепнулась, резко захлопнула шкаф и повернулась к назойливой птице. – Даже ректор сказал, что мой магический запас – никакущий. Дай бог, если научусь легкую царапину залечивать. Я более чем уверена, что они ничему меня научить не смогут.

– Не смогут, – поддержал филин. – У тебя вообще магического запаса нет.

– Вот видишь, – улыбнулась я. – Я совсем, ни чуточку, ни капельки – не ведьма!

– Да не нужен тебе этот запас, ты преобразовываешь энергию извне! Ты просто берешь ее и используешь. Всё и все повинуются тебе. Это абсолютная власть.

– О, да я как-никак альфа и омега. Филечка, солнышко ты мое черноглазое, даже я знаю, что ни один, даже сильнейший маг, не может черпать силу извне, кроме как из магических источников. Такова природа исконной магии! А уж подчинить себе все живое? Все, я поспешу на завтрак, мне некогда с тобой вести глупые и бессмысленные беседы.

– И держись подальше от Князя Тьмы! – крикнул мне вдогонку филин, но я уже спешила на завтрак, не слыша ничего, кроме урчания голодного желудка. Его зов страшнее всяких там ангелов, архангелов и ведьм.

Я, конечно, понимаю, что нахожусь в магическом университете, но девушке, которая выросла в обычной семье фермеров и никогда не видела магии не только сложно во все это поверить, но даже осознать, увидев. Говорящие филины, летающие молнии, проваливающиеся полы... Это дикость какая-то! Ничего из этого мне неизвестно. Сколько себя помню, мы возделывали землю, а отец торговал фермерскими продуктами в Астории. Магию я видела лишь несколько раз и то не боевого характера, а лечебного. Поэтому как продержаться два года на факультете стихийников и не вылететь – вопрос на засыпку. Видимо придется спать с учебниками в обнимку после ночных подработок. Но я все выдержу, я обязана.

Войдя в столовую, я ступевалась и застыла на пороге. Она была наполнена ИМИ – адептами и адептками. Они были везде: в очереди на раздаче, за столами, на столах, между ними, они входили и выходили из столовой, задевая меня плечами и руками, потому что я загородила собой единственный проход. Словно сговорившись, все оценивающими взглядами уставились на меня. Не люблю людей. Точнее даже не так: опасаясь людей, особенно адептов, о которых наслышана в весьма неприятном ключе. Слава Богу, среди десятков незнакомых глаз, я отыскала знакомые.

– Деми, – я с облегчением вздохнула и, наскоро набрав на ленте еды, поспешила к рыжеволосой красавице как к спасательному кругу.

– Ну ты вчера и устроила, я тебе поражаюсь! – восхитилась она, откусывая булочку с изюмом и запивая молоком. Не сразу сообразив, что она имеет в виду нашу перепалку с Рейнгардом, я недоуменно пожала плечами и улыбнулась, тоже приступив к завтраку. – Слышала, ты теперь тоже адептка? Поздравляю. Это великая честь – учиться на факультете стихийной магии. Жаль, что стезю не выбирают. Она сама выбирает тебя, но если попадешь на факультет огня – будет полный отпад. Ты никогда об том не пожалеешь!

По мере рассказа, в ее глазах загорался все больший огонек. Вот уж действительно – девушка зажигалка. Мне было все равно, кто и куда меня распределит, потому я даже слегка завидовала ее искренней радости и энтузиазму.

Свое уныние я заела молочной рисовой кашей и запила чашечкой кофе со щепоткой корицы. Чтобы скорейшим образом восстановить силы – мне нужно хорошо питаться, хоть аппетита толком и нет. Но стоило мне поднести ко рту булочку с изюмом, вдохнуть аромат свежей выпечки, как тут же подавилась. Мало того. Стул из-под меня попросту выбили, и я повалилась на холодный мраморный пол. Деми мгновенно вскочила и зарычала, оголив клыки. Я округлила глаза. Это что еще за чудо-юдо такое? Но еще большее чудо-юдо склонилось надо мной. Девушка, полностью затянутая в черную кожу, от сапог на высоких каблуках, до воротника под самое горло. Комбинезон с оголенными руками, впрочем, запястья тоже затянуты кожей, к которой прикреплены какие-то явно пыточные приспособления. Белоснежные волосы девушки заплетены в тугую косу, которая спускалась практически до пола. Миндалевидные и абсолютно черные, без белка, глаза, смотрели на меня как на обреченную жертву, чья судьба уже предрешена. А я затравлено сидела рядом с перевернувшимся стулом в остатках рисовой каши и чувствовала, как платье намокает от опрокинутого горячего кофе. Отличное начало дня...

– Ты! – незнакомка ткнула в меня пальцем. – Еще раз увижу тебя рядом с Рейнгардом – уничтожу! Поняла меня?

Что, и в этот раз мне досталось из-за блондинистого выскочки? Поднявшись при помощи Деми, поскольку своим телом я не особо-то хорошо владела, я еле слышно уточнила. Дерзить и в планах не было, чистое любопытство:

– Младшим или старшим?

В черных глазах мелькнула молния и меня в сотую долю секунды схватили за горло и подняли высоко над полом. Поняла. Была неправа.

– Дешевая потаскушка! Думаешь, я не видела, как он зашел к тебе в комнату злой и при параде, а вышел довольный и без камзола?

Царапая сцепившие мое горло ладони, я хрипела и обессиленно болтала ногами, стараясь схватить хотя бы маленький глоток воздуха, но это удавалось плохо. И куда же делись громы и молнии, которые до этого сопровождали меня повсюду? Ведьма я, как же. Будь я ведьмой, она бы уже валялась в противоположном углу столовой.

– Немедленно отпустите ее, адептка Дуэрти! – послышался за моей спиной стальной мужской голос. Это было весьма кстати, поскольку сознание начинало отказывать. Ладонь моей новой знакомой мгновенно разжалась, а я упала в чьи-то крепкие объятия. Как оказалось – Рейнгарда. Только старшего, а не младшего. – Мне импонирует ваша целеустремленность, адептка Дуэрти, думаю, что декан непременно это оценит.

– Но, – растерялась она.

– Немедленно, самостоятельно и на ходу придумывая оправдание содеянному!

– Да вы хоть знаете, кто я? – гордо вскинув голову, выпрямилась девушка.

– Без пяти минут бывшая адептка и без двух – труп, – хриплым могильным голосом с бесконечной чернотой в глазах, спокойно произнес Дамиан. У меня коленки задрожали от страха и, если бы не его сильные руки, в которых я лежала, словно младенец, точно бы свалилась на пол. В столовой повисла абсолютная тишина и адепты медленно, стараясь не привлекать

к себе внимания, отступали к выходу, а в коридоре бросались со всех ног, не разбирая дороги. Я даже глаза зажмурила, чтобы не видеть выражения на его ранее прекрасном лице, поскольку оно исказилось до неузнаваемости: абсолютно черные глаза, глубокие морщины на переносице и, кажется, под верхней губой сверкнули клыки, ... и я лежала у него на руках. Мама дорогая!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.